

Развитие языка как признак модернизации общества

к.п.н. доц. Жохова Л.А., Голубева А.В.

Университет машиностроения
8 (495) 223-05-23, kafrus@mami.ru

Аннотация. В статье исследуется взаимообусловленное влияние языка и мышления на сознание нации, на её интеллектуальное развитие; статус русского языка как мирового; рассматриваются социальные, психологические и лингвистические законы создания своих и заимствованных новых слов; ставятся задачи повышения языковой грамотности и культуры обучаемых; анализируются проекты реформирования разных языков.

Ключевые слова: заимствованная лексика, архаизмы, неологизмы, окказионализмы, варваризмы, стилистика, реформы орфографии, развитие цивилизации, число, говорящих на русском языке

С помощью языка человек преобразует каузальные связи между телом, мозгом и миром. К пяти годам, достигнув без особых усилий необходимого уровня владения языком, ребёнок переходит к новому способу мышления, позволяющему отправляться в свободное плавание по морю речевой деятельности. Учёными найден ген FOXP2, ответственный за речевую деятельность человека, а также за издание сигналов, звуков животными и птицами; активизируя мозг, «языковой ген» повышает обучаемость. Естественный язык сопровождает онтогенетическое развитие человека, тогда как литературный язык, охватывая временные масштабы культуры, истории и эволюции, определяет особенности филогенеза.

По мнению некоторых популярных журналистов, на телевидении коммуникативные (не ортологические!) нормы должны быть представлены в том виде, в каком они существуют в живой речи носителей языка. Высокие императивные требования к языку должны, наверное, сохраняться только в собственно научной речи и официально-деловых документах. На их взгляд, скоро останутся только три разновидности языка: книжная, разговорная и массмедийная [8]. Для информационного века характерна антиномия: с одной стороны, усложнение научной терминосферы (в одной химии терминов больше миллиона), с другой – редукция разговорного языка в силу закона экономии лингвистических средств. Кроме того, «прервалась связь времён», классики оказываются за пределами понимания и, соответственно, интереса.

Филологи, чтобы «привить вкус» к литературным тонкостям, внедряют на занятиях массу языковых приёмов. Например, написать и «извлечь информацию» из предложения, стилизованного под русскую прозу конца XIX в.: *Подмоченная штука бумазеи, складной деревянный аршин, чугунный болван и початый штоф лафита – вот всё, что осталось этому миру после Трифона*. Используя фоновые знания и воображение не каждый обучающийся даёт правильную интерпретацию этим двум строчкам: Портняжка Трифон (Тришкин кафтан) умер в крайней нищете, оставив в комнатке-мастерской лишь кусок ветхой, ещё не раскрытой ткани, хотя, по-видимому, знавал лучшие времена, обслуживая когда-то знатного вельможу, и от этих времён сохранил пристрастие к дорогому французскому вину – лафиту (Шато Лафит Ротшильд). Архаизмы студенты вообще перестают употреблять в речи или используют их только как стёб [13, с.323].

Для того чтобы в 1916 г. поступить в московский вуз на инженерную специальность, достаточно было сделать не больше четырех ошибок в «незамысловатом» по содержанию, но «орфографически насыщенном» диктанте, состоящем всего из одного-единственного предложения, приблизительно такого: *На колоссальной дощатой террасе, вблизи можжевельника, веснушчатая Агриппина Саввична, жена безызвестного местного подьячего, потчевала исподтишка коллежского асессора Аполлона Филипповича винегретом с анчоусами, моллюсками, фаршированным перцем и другими яствами под аккомпанемент аккордеона и фортепиано*. На историко-филологическом факультете надо было дописать ещё одно предложение: *Под звуки «Аппассионаты» не вовремя явился не кто иной, как благодетельный*

супруг в иссиня-чёрном одеянии, и у растерянного ловеласа-ассессора случилось несварение желудка. 15 лет назад свыше шести орфографических ошибок на вступительных испытаниях допускали обычно выходцы из других республик, сейчас столько ошибок делают выпускники и российских школ.

Начиная с 1980 г. русский язык переживает неологический бум, вызванный ускорением темпов общественной жизни, ростом политической и социальной активности масс. История изучения неологизмов в русском языке насчитывает более трехсот лет. При этом решается задача выявления лингвистических и экстралингвистических факторов вхождения новых слов в лексико-семантическую систему современного русского языка как восполнение недостаточности системы или вхождение в качестве синонимов, создающих понятийную или стилевую избыточность. Наблюдения специалистов над неологизмами как явлением инновационного фрагмента языковой картины мира привели к следующим результатам: 1) наиболее многочисленную группу составляют неологизмы следующих тематических групп: информационных технологий; экономики и бизнеса; политики и социума; искусства и культуры; 2) лексические инновации, восполняющие языковую недостаточность, составили 75%; неологизмы, являющиеся языковой избыточностью, или синонимами, составили 25%; 3) неологизмы-заимствования, воспринимающиеся в русском языке как «сильные», составили 46% от общего количества отобранных лексических инноваций; неологизмы-новообразования («слабые» неологизмы) составили 54% от общего количества; 4) самыми продуктивными моделями новообразований являются суффиксальные модели и сложение; 5) при семантическом новообразовании указывается исходное производящее значение за счет семантической деривации – разного рода переносов, расширения или сужения значения[8].

Иноязычное слово редко дублирует значение русского – в подавляющем большинстве случаев между ними имеются смысловые различия, на которые накладываются еще и различия функционально-стилистические: иноязычный элемент часто является термином, а его русская параллель – обычным, общеупотребительным словом. Так в русском языке давно закрепились заимствования *снайпер* – вместо «меткий стрелок», *сейф* – вместо «несгораемый шкаф», *спринтер* – вместо «бегун на короткие дистанции», в том числе и некоторые недавние англицизмы: *саммит* (англ. *summit* буквально «вершина, верх») – вместо «встреча в верхах», *ремейк* (англ. *remake* «переделка») – вместо «новая версия, например, ранее снятого фильма», *киллер* – вместо «профессиональный убийца» и др.

Основными способами обогащения языка неологизмами являются новообразования, семантические неологизмы и заимствования. Студенты, плохо знающие английский язык, не могут дать дефиниции половине из следующих слов, либо подобрать им синонимы, антонимы: *бьюти-блоггер*, *визор*, *винтаж*, *дайвинг*, *жилет-шокер*, *кайтинг*, *body-pump*, *core-тренинг*, *каратеробика*, *кинезиология*, *клатч*, *милитари*, *моддинг*, *пауэрстрейк*, *пилатес*, *рафтинг*, *рейсинг*, *сабвуфер*, *спойлер*, *стелсы* *нашимина*, *танкини*, *фэшн-индустрия*, *чейнджер*; *экзит-полл*, *КОИБ*. Применение в речи части неологизмов имеет широкое распространение только среди *шопоголиков*, другая часть слов в активном запасе у любителей современной техники или спортивно-развлекательных мероприятий. Конечно, для тех, кто принимал участие в выборах, слово *экзит-полл* и аббревиатура *КОИБ* «закрепились в коре больших полушарий на химическом уровне», как выражаются нейропсихологи. Ежемесячно продолжается приток лексических инноваций из информационной, финансовой, предпринимательской, медицинской, особенно фармакологической сфер деятельности, что свидетельствует об отражении инновационных процессов в реальной действительности и их важной роли в русском языковом сознании.

Анализ неологизмов свидетельствует о преобладании словообразовательных процессов на основе средств русского языка, в том числе жаргонизмов, в 1,7 раза: *руоповец* (сотрудник Регионального управления по борьбе с организованной преступностью), *торчок* (наркоман), *бомжиха*, *блатняк*, *вирусописатель*, *грантосос*, *чипсонос*, *нашисты*, *путинофил*, *антипутинец*, *белоленточник*, *крупноболотье*, *путьки*, *неофит*, *пластикохирург*; *глючить*, *ме-*

гафонить, пиарить, замутить, метелить, кошмарить.

Займствованные слова используются студентами в речи часто с нарушением грамматических норм. Преподавателям надо со своей группой эти слова изучать, отсылая к серьёзным источникам. Рассмотрим три слова, которые пришли к нам из разных языков и достигли широкого распространения. Слово *омбудсмен* (от швед. ombudsman, омбудсман, – «представитель», в русский язык вошло через английский, отсюда вторая часть сложного слова *-мен*) нельзя заменить словом «правозащитник», так как правозащитник в России лицо неофициальное; можно было, конечно, наименовать эту должность «правоконтролёр», но у нас давно уже бояться создавать новые русские слова, легче заимствовать готовое. Президент В.В. Путин «недолюбливает» правозащитников из-за их связей с международными общественными организациями и навесил на них ярлык «иностранные агенты». В главе 10 Конституции РФ написано: «В обеспечении гарантий прав и свобод человека и гражданина важную и своеобразную роль призван играть Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Во многих зарубежных странах аналогичный институт народного защитника (омбудсмана) в различных модификациях существует уже в течение длительного времени. В России же его создание находится на начальном этапе».

Теперь введём в тезаурус студента в общем-то со школы понятное слово *портфолио* (итал. portfolio – «портфель, папка для документов» → англ.) – собрание образцов работ, фотографий, дающих представление о предлагаемых услугах организации (фирмы) или специалиста (модель, фотограф, дизайнер, архитектор и т.д.). Этот термин широко используется в разных областях начиная с детского сада, например: веб-портфолио – собрание работ веб-дизайнера. Портфолио часто рассматривают как подборку достижений, наиболее значимых работ и отзывов на них. В США, Канаде, Европе, Японии очень популярна система портфолио. За время ученичества накапливаются всевозможные кредиты: сертификаты, свидетельства, дипломы, удостоверения, аттестаты, вплоть до отзывов друзей и соседей. В Новой Зеландии эта система доведена до национального масштаба, там учитываются достижения за всю жизнь, к ним привязаны ипотека и страховка; чем больше кредитов – тем больше профессиональных и бытовых преимуществ у их обладателя. В России система портфолио формальна, эта «мода» не вызывает особого доверия у госслужб. Экономическая политика правительства направлена на консервацию существующего положения дел, поэтому в России так мало компаний, выросших из технологического стартапа в игрока мирового уровня. Ещё недавно у некоторых студентов слово *стартап* (англ. Start-up – «запускать») ассоциировалось по звучанию со словом «сатрап» (наместник шаха в Древней Персии; перен. деспот, самодур, управляющий по собственному произволу) или даже со словом «старпом» (старший помощник капитана на судне; пожилой возраст, в который происходит постепенное ослабление деятельности организма; период жизни в таком возрасте). Теперь все знают: *стартап-компания* – это недавно созданная, строящая свой бизнес на основе инноваций компания. Особенно высокий уровень употребительности термин «стартап» достиг в отношении интернет-компаний и прочих фирм, работающих в сфере IT. Также можно назвать словом «стартап» не компанию, а отдельный венчурный проект в рамках компании. Если не нужны детали, стартап – это просто новый проект или новое предприятие, фирма (в зависимости от стадии развития стартапа). Если важно подчеркнуть, что это не какое-нибудь обычное, рутинное новое предприятие, а инновационная, высокотехнологичная компания или если речь идёт о западной фирме, то без слова «стартап», пожалуй, не обойтись: «Они организовали стартап-компанию по телекоммуникациям». «В конце 90-х множество стартапов возникли в Силиконовой долине». Так что этот неологизм можно признать отчасти необходимым новшеством в русском языке. Уже рождаются производные от него слова: «На встрече в Сколково были и начинающие предприниматели, стартаперы».

А.И. Солженицын вполне осознанно и целенаправленно расширяет русский словарь, вводя в него слова, отчасти забытые, отчасти стоящие на периферии языка (диалектизмы), отчасти придуманные им самим (окказионализмы), но образованные в большинстве случаев

в соответствии с системными закономерностями русского языка: *неуют*, *скородельный*, *сличка* (сравнение), *хрусткий* (жесткий, твердый и ломкий), *чаинничать* (бражничать, пировать), *выкоренить* (искоренить, истребить), *головотряс* (недуг), *думчивый* (требующий задуматься), *изломистый*, *крохотá* (мелюзга, мелкота), *лють* (сильный мороз, стужа); ср.: «Ой, *лють* там сегодня будет, двадцать семь с ветерком, ни *укрыва*, ни *грева*!» («Один день Ивана Денисовича»). Русско-американский семиотик М.Н. Эпштейн вкупе с В. Колмановским, Е. Похисом и др. с 1997 г. создал электронный «Техно-гуманитарный вестник», и в инновационном разделе «Проективный лексикон» они специально сочиняют слова: *интелнет* (интеллектуальное сообщество для распространения новых междисциплинарных идей через электронную сеть), *сетература*, *любошь* (переход любви в боль), *времяжор*, *времяед*, *времяугодливый*, *подсовременить*, *рок-гестапо*, *брехлама* (на основе рекламы), *политикоз*, *отравоядный*; вопреки правилам грамматики, «творят» даже причастия будущего времени: *прочитающий*, *сделающий*, *сумеющий*, *увидящий*; *сотворимый*, *сделаемый*, *прочитаемый*. Кто *времлет* будущему? [10, с.130]. Вариативность нормы обусловлена как эволюционными процессами в литературном языке, так и неоднородностью состава его носителей. Стремление же некоторых кодификаторов и лексикографов к «безвариантной» норме расходится с языковой реальностью.

Опытные педагоги знают, какое особое, судьбоносное влияние оказывает высококачественная литература на воспитание подрастающего поколения. Младшие школьники, затаив дыхание, на уроках внеклассного чтения, посвященных теме дружбы и милосердия, будут слушать повесть «Маленький оборвыш», написанную в шестидесятые годы XIX в. Д. Гринвудом. В.В. Похлёбкин в книге «Великий псевдоним» исследовал роль «Витязя в тигровой шкуре» на жизнь Сталина. Десятилетний Сосо вдохновенно цитировал строчки Ш. Руставели: «Стань могучим, ловким, смелым, воплощением красоты, мудрым, щедрым, терпеливым, первым в каждом состязанье, если нет высоких качеств, то какой же рыцарь ты?». В 1913 г. в 33 года И. Джугашвили стал подписываться псевдонимом «Сталин», взятым от усеченной фамилии переводчика любимой грузинской поэмы на русский язык Е.С. Сталинского, к тому же фонетически созвучным псевдониму «Ленин». Вождь часто цитировал классика, потому что осознавал, какое значение и авторитет имеет меткое «крылатое слово». Однако эмоциональная почва жестокой средневековой восточной морали не всегда вписывалась в современность: «Моя жизнь безжалостна, как зверь», «Недруга опасней близкий, оказавшийся врагом». В 1936 -1937 гг. в стране широко праздновали 750-летие со дня рождения Шота Руставели. В проекте бурно обсуждаемого единого исторического школьного стандарта, последующем после «линейного» литературного стандарта, массовые репрессии, или Большой террор освещаются как «правомерные в логике диктатуры пролетариата» (С.В. Журавлёв). От взаимоисключающих эпитетов «эффективный менеджер» (А.В. Филиппов) и «кровавый палач» (Н.К. Сванидзе) применительно к личности Сталина «решено отказаться» в связи с установкой президента «не напирать на негатив».

Также в соответствии с поручением Президента РФ от 21 мая 2012 г. № Пр-1334 идет разработка инновационной модели преподавания региональной истории, которая станет дополнением к общему духовно-культурному стандарту на фоне углубленного изучения курса национальных, народных, племенных языков РФ («основная цель – воспитать патриотизм и терпимость к другим национальностям»). Из документов убрали привычные слова «школа», «учитель», теперь надо писать «образовательное учреждение низшего уровня, среднего уровня, технического уровня», «педагогический работник».

05.09.2013 г. прошел очередной круглый стол «Дискуссионные проблемы советской и постсоветской истории в проекте историко-культурного стандарта», который вел директор Института всеобщей истории РАН, глава рабочей группы по разработке новых учебников истории академик А.О. Чубарьян. Ученые круглого стола достигли консенсуса: они предлагают «революцией» считать не конкретное событие, а «процесс». Началом «революционного процесса» объявили «переворот в феврале 1917 г.» (бывшая Февральская революция). Точно

так же «переворотом» следует определять и Октябрьскую революцию, она будет днём начала гражданской войны, а завершение гражданской войны будет окончанием революционного процесса. Документ пройдет все необходимые стадии обсуждения и доработки к 1 ноября 2013 г. Если его утвердят, как же тогда пересказывать детям всю советскую и мировую литературу этого периода, ведь, в отличие от создания новых словарей и учебников, гениальные произведения М.А. Шолохова, И.Э. Бабеля, М.А. Булгакова, Б.Л. Пастернака, в которых описываются события Красного Октября, не перепишешь. Старшее поколение окончательно не поймёт младшее, им переучиваться психологически невозможно.

В США экспертиза показала: только 30% выпускников колледжа самостоятельно изучали сложные книги. Нынешние янки не могут адекватно воспроизвести ораторские выступления президента Ф. Рузвельта в годы Второй мировой войны, убеждающую и мотивирующую речь А. Линкольна на кладбище в Геттисберге (эти речи даны в хрестоматии по «Риторике»). Стареют научно-технические кадры, а новоявленные инженеры не могут прочесть даже чертежи 1980 г. Функциональная безграмотность, клиповость и хаотичность сознания вызывают тревогу во всех странах, кроме Китая [7].

Зато студенты прекрасно разбираются в автомобилях класса «Люкс», первоклассных японских и немецких марках автомобилей, они знают, что Ф. Рузвельт первым сел на лимузин «Линкольн», Д. Буш-младший ездил уже на кадиллаке DTS. Л.И. Брежнев у Р. Никсона подарил кадиллак «Эльдорадо» (Cadillac Eldorado) и линкольн «Континенталь» (Lincoln Continental), который стал его любимой машиной. Между прочим, из-за разночтения в словарях преподаватели-словесники иногда не могут дать внятный ответ, как по-русски правильно писать названия автомобилей в кавычках или без кавычек, со строчной буквы или с прописной, вернее, они знают, какую норму предлагают словари, рекомендованные Минюстом, но почти никто с ними не соглашается, говорят, что легче написать латиницей с прописной буквы и без кавычек, тогда якобы всем всё будет понятно [1, с.370]. В общем, в грамматике пока царит «чехарда».

В отличие от других ярусов языка лексический уровень в своей значительной части непосредственно связан с явлениями действительности. Поэтому перемены во всех сферах общественной жизни находят отражение в лексике: в изменении состава слов, их значений. Правда, в цивилизованных странах самыми динамично развивающимися разделами языка являются всё же стилистика и межкультурная коммуникация. Язык, как и религия, с одной стороны, сближает народы, с другой – разъединяет. Наблюдая центробежные и центробежные силы, одновременно борющиеся и за модернизацию, и за сохранение уникальных традиций национального языка, можно процитировать слова Е.М.Замятина о самобытности народа: «каждой среде, эпохе, нации присущ свой строй языка, свой характер мышления», также можно вспомнить давнюю мечту человечества о едином естественном языке (ветхозаветную притчу о вавилонском столпотворении; доклад латышского учёного-коммуниста Лоя Я.В. в 1934 г. о необходимости создания всеобщего языка международного пролетариата) [7]. С. Пинкер в книге «Язык как инстинкт», делая упор на том, что различия между расами в 12 раз меньше, чем различия между представителями разных профессий, верований, статусов одной нации этноса, пишет: «Говорить на разных языках» – это практически синоним несоизмеримости, но для психолингвиста это поверхностное отличие. Когда я знаю о том, что сложно организованный язык распространен повсеместно у представителей всех культур и что в основе всех языков лежит единое ментальное устройство, ни одна речь не кажется мне иностранной, хотя я не могу понять ни слова. Шутки новогвинейских горцев в документальном фильме об их первом контакте с остальным человечеством, жесты сурдопереводчика, щебет девочек на детской площадке в Токио – все это я вспоминаю сквозь мелодику речи, ощущаю скрытые под ней структуры и чувствую, что у всех нас одно и то же сознание». Две свойственные языку главные его функции – коммуникативная и сигнификативная – отражают внутренне присущее ему противоречие в онтологическом и гносеологическом отношении. Эти две функции делают язык орудием одновременно индивидуального и общественно-

го отражения и познания мира. И в этом залог прогресса познания, поступательного его движения. В «Языке Адама» Д. Бикертон констатирует: «пока мы не поймём язык настоящему, мы не сможем понять самих себя, мы будем продолжать беспомощно наблюдать за тем, как созданный нами мир всё дальше и дальше ускользает из-под нашего контроля».

Языковая действительность могущественна и противоречива. Чем сильнее и самобытнее письменная традиция, тем менее управляем литературный язык, тем органичнее и незаметнее человеческое вмешательство в естественный ход вещей. Например, из возникающих параллельных обозначений (синонимов, варваризмов) в зависимости от ситуации предпочтение отдаётся то иноязычным (*геймер, гастербайтер, гуру, лузер, дайвинг, девальвация, гламур, гаджет, инсинуация, нонсенс, саундтрек, коттоновый, голкипер, предпочтения, апологет*), то «родным» словам (*игрок в Сети, приезжий рабочий из СНГ, мастер, неудачник, подводное плавание со специальным снаряжением, обесценивание, роскошь, навороченный приборчик, клевета, нелепица, звуковая дорожка, хлопчатобумажный, вратарь, преимущества, приверженец*).

Теория культуры речи, восходящая к классическим работам Л.В. Щербы, Г.О. Винокура, Р.О. Якобсона, Н.С. Трубецкого, гласит, что детальная и жёсткая кодификация норм литературного языка нежелательна и невозможна, так как чревата разрывом с живым национальным языком. Академик В.Г. Костомаров к принципу гибкой стабильности литературной нормы, впервые выработанному русскими эмигрантами-языковедами Пражской лингвистической школы, добавил принципы коммуникативной целесообразности и традиционности выражения и создал концепцию стилистики русского языка начала XXI в. в виде теории конструктивно-стилевого вектора текста. Он предложил группировать тексты в зависимости от замысла, т.е. соблюдая вектор отбора средств языка. Цель обращения к адресату (деловая, личная), отношения между коммуникантами (доброжелательные, натянутые), канал связи (контактный, опосредованный), статус адресата (равный, выше, ниже) – все эти факторы влияют на выбор языковых средств и логику построения (композиции) текста [3]. В.В. Виноградов отмечал, что в стилистике нормы заменяются ориентацией на образцы, а в орфографии и пунктуации они кодифицируются чиновниками, поэтому многие поэты обходятся без них [2]. Показатели различных нормативных словарей дают основание говорить о трех степенях нормативности: норма 1 степени – императивная, строгая, никаких вариантов; норма 2 степени – нейтральная, допускает равнозначные варианты; норма 3 степени – диспозитивная, подвижная, возможно использование разговорных и даже устаревших лексических и синтаксических форм. Важно хранить общую норму языка, а не придирается к отдельным случаям [1].

Для авторитарных обществ характерна чрезмерная сложность языкового кода и правил. Процесс изменения языковых норм в связи с демократизацией языка активизировался за последние десятилетия. Приказом Министерства образования и науки РФ от 08.06.2009 № 193 утверждён список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы литературного языка при его использовании в качестве государственного языка РФ. Этот список был подвергнут критике в СМИ, поэтому не все его используют при спорных орфографических вопросах. Регламентированная кодификация языка, как мы знаем, в основном ретроспективна: словари и грамматики отражают естественно складывающийся и медленно меняющийся узус [8].

Общество может сознательно регулировать, активно управлять языком только на таких лингвистических уровнях и подсистемах, как графика, орфография, терминология, и в меньшей степени подвержена регуляции нормативно-стилистическая база. Назревшие в связи с социальными изменениями реформы алфавита и орфографии всегда воспринимаются очень болезненно. Цель этих реформ – избавиться от противоречий, приблизить написание к звучанию. Однако некоторые учёные считают, что изменение визуального воплощения влечёт за собой трансформацию смысла. Например, в традиционном старославянском кирилличе-

ском письме содержатся христианские символы: крест, треугольник, круг, поэтому священнослужители до сих пор им пользуются [11].

В декабре 1990 г. после бурной полемики была одобрена реформа правописания французского языка. 19.03.1999 г. были утверждены новые правила правописания калмыцкого языка. 01.08.1998 г. в Германии, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейне в целях дальнейшей демократизации письма началась реформа орфографии немецкого языка, которая закончилась после существенной борьбы 01.08.2005 г. Предшествующая кодификация норм орфографии германоязычных народов проводилась в 1902 г., нынешняя готовилась сорок лет. Каждая из этих орфографических реформ преследовала цель приблизить письменность к живой современной речи и этим облегчить изучение языка. В то же время старались резко не порывать с традициями. Первая реформа русского письма оформилась в виде «Предварительного сообщения» Орфографической подкомиссии при Императорской Академии наук под председательством А.А. Шахматова (1904). В 1911 г. особое совещание при Академии наук в общем виде одобрило работу предварительной комиссии. Декрет Наркомпроса РСФСР «О введении нового правописания» за подписью А.В. Луначарского был опубликован 23.12.1917 г.

В соответствии с реформой, например, изменилось правило написания приставок на з/с; в родительном и винительном падежах прилагательных и причастий окончания -аго, -яго заменялись на -ого, -его (ранняго → раннего), в именительном и винительном падежах множественного числа женского и среднего родов -ия, -ия — на -ые, -ие (новыя издания → новые); словоформа родительного падежа единственного числа ея (нея) — на её (неё). Реформа устранила из русского алфавита графемы: ять, фиту, ижицу.

В 1956 г. официально был утверждён полный и систематизированный свод «Правила русской орфографии и пунктуации». С 1962 г. при Институте русского языка АН действует Орфографическая комиссия. В начале XXI в. Госдума рассматривала до сих пор не утверждённый проект возможного изменения некоторых правил русской орфографии и пунктуации (отмены твёрдого знака и др.), представленный председателем Орфографической комиссии В.В. Лопатыным. Идеи проекта вполне жизнеспособны, так как хотелось бы писать одинаково все сложные слова типа *полдыни* и *пол-арбуза*; *кабаре* и *каркадэ*; *Ново-Огарёво* и *Новомосковск*; *англо-канадские связи* и *англоканадский язык*; наречия *наспех* и *на смех*; *Дом народного творчества* и *Пушкинский Дом*; «ока» и *джип*; *палата общин* и *Народная Палата*; *инернет-тестирование* и *аудиокассета*; *естественнонаучный* и *первобытно-общинный*: оправдана тенденция слияния на письме дефисных слов, замена вторых прописных букв строчными. Реформа полностью не снимет лингвистические трудности, и причины не в некомпетентности учёных, а в том, что грамматика отражает естественный строй языка, каков он есть. Норма реализует не всё из тех возможностей, которыми обладает система языка. Между системой и нормой находится узус – речевая практика, обычаи [8].

На судьбу языка иногда влияет коммуникативный политический ранг, а не структурные признаки. Например, в чешском языке искусственно реставрирована архаичность литературного языка. В сербском языке после реформы значительно сужены стилистические возможности. А вот в структуре норвежского языка царит раскол и хаос: необдуманное реформирование привело к конкуренции шести вариантов нормы, два варианта из которых были официально признаны равноправными литературными языками [12].

Двуязычие непосредственно имело и имеет влияние на процесс обогащения языка. Первая треть XIX в. связана с культурными преобразованиями в области русского языка и литературы. Дворянство становится двуязычным, французский язык делается признаком образованности. Именно в этот период появляется слово «галлицизм» в значении «приметы французского образа жизни» и «языковые единицы французского происхождения». По замечанию Е.В. Макеевой, «галлицизмы составляют 52% от общего количества непроемных единиц лексики западноевропейского происхождения» в произведениях А.С. Пушкина.

До 1933 г. глобальным языком был немецкий язык. Это был язык классической фило-

софии, литературы, поэзии, музыки, язык научно-технической революции. В 1933 г. начался стремительный упадок престижа немецкого языка. В Германии пришли к власти нацисты, и немецкий язык превратился в инструмент идеологии национал-социализма. С 1933 г. до 1945 г. он полностью утратил функции глобального и, несмотря на десятилетия интенсивной денацификации, так и не смог реабилитироваться.

Сейчас английский язык как иностранный изучает большинство жителей Земли, связанных с электронными технологиями. Однако Б. Гейтс в своё время предупреждал: «Зависимость информационной системы от английского языка будет ослабевать по мере совершенствования компьютерного программного обеспечения, необходимого для безошибочного машинного перевода с одного языка на другой».

С.С. Аверинцев писал, что язык, на котором перестают нести людям то, без чего они не могут прожить, обречен на утрату своих важнейших, глобальных, всемирных функций. Русский язык стал глобальным после революции семнадцатого года. Мир слушал Ленина и Троцкого, а потом Сталина и «заводился» от идеи социальной свободы, деколонизации, освобождения от гнета капиталистов. При этом русский язык был языком не только социальной, но и научно-технической революции. Все, что создавалось на русском в первые десятилетия советской власти, создавалось на языке, который хотели изучать во всем мире. Все стали интересоваться не только нашим настоящим, но и прошлым: учёными Д.И. Менделеевым и И.П. Павловым, романистами Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским, космонавтами Ю.А. Гагариным и В.В. Терешковой, инженерами М.Т. Калашниковым и М.И. Кошкиным, балеринами А. Павловой, Г. Улановой, М. Плисецкой. В Москву ехали молодые революционеры из Азии, Африки, Латинской Америки, свергавшие у себя колонизаторов, выгонявшие португальцев и англичан, они ехали бесплатно учиться русскому языку. Для них русский был не только языком идеологии, но языком точных наук. Однако русский не смог надолго стать глобальным. Г.Ч. Гусейнов считает, что для этого не хватило только одного, но очень важного фактора: внутренней свободы. Для большинства носителей русского языка на протяжении XX в. складывалось и закреплялось представление о субстанциональности несвободы пользования языком, как будто внутри твоего речевого опыта существует основополагающий изъян: ты не можешь распространить свой речевой опыт на окружающий мир безопасным для тебя образом.

Для развития почти каждого языка процесс заимствования слов из других языков вполне естественен и обычен. Иноязычное слово нередко ассоциируется у старшего поколения с чем-то идеологически или духовно чуждым, даже враждебным, как это было в середине прошлого века, когда ввелась борьба с низкопоклонством перед Западом и надо было говорить не *бульдозер*, а «тракторный отвал», вместо *грейдер* произносили «струг», французский сыр *камамбер* переименовали в «закусочный»; игру футбольных команд стали называть не *матчем*, а «встречей», радиопередачи об этих встречах были не *репортажами*, а «рассказами». В этом смысле, язык – это единственное реальное воплощение свободы в нашей жизни. Ведь язык не только инструмент, но и тот материал, вне которого человека не существует. Язык – это одновременно то, что мы изучаем, и то, посредством чего мы изучаем. Современный русский язык изнутри пророс древнегреческим языком и латынью – двумя главными глобальными языками прошлого. Мы не можем шага ступить без греческого или латинского слова, эти языки «управляют» русским языком, а через него – нами (греческого происхождения язык православной церкви, наука имеет латинские корни). Возьмём слово *норма* (γνώμων «гномон» – измерительный прибор, определяющий прямой угол). Это латинское слово, как и многие другие заимствованные слова, пришло к римлянам от этрусков, к этрускам – от греков, а в русский язык оно попало через поляков. В истории слова содержится в свернутом виде наше представление о нормальности не как о чем-то, что дано раз и навсегда, а как о результате эволюции.

Язык является главной формой выражения и существования национальной культуры. Он, по выражению И.Л. Волгина, – неписаная конституция государства, несоблюдение духа

которой ведёт к гибели всякую власть. Несмотря на то, что каждый из нас, обладая собственным идиолектом, использует язык по-своему, существуют и общие черты для носителей языка. Ю.Н. Караулов их называет доминантами. В структуре языковой личности, являющейся носителем родного языка и культуры, инвариантная, ядерная часть является главной. Сформировать вторичную языковую личность довольно сложно. По утверждению Д.Б. Гудкова и др., задача формирования в инофоне вторичной языковой личности, способной видеть мир так же, как и носители языка, – невыполнима. На поверхностном уровне: освоение моды, техники, кулинарных изысков – адаптация к иноязычной культуре может происходить достаточно успешно, но при обращении к более глубоким слоям сознания основные архетипы родной культуры, воспринятые с рождения модели отражения и классификации явлений окружающей действительности, во многом детерминирующие мотивацию личности, остаются без существенных изменений, поэтому при овладении неродным языком обычно говорят не о формировании особой языковой личности, а о развитии дополнительных навыков, умений, компетенций [7].

Русский язык является родным для 164 млн человек, из которых 130 млн живут в России. На английском языке и хинди говорят около 500 млн человек (английский языком владеет 1 млрд человек); 1,3 млрд владеют китайским языком; 335 млн являются носителями испанского языка и 25 млн изучают его. По прогнозам Летнего института лингвистики (Summer Institute of Linguistics), уже через 10 лет русский язык может лишиться статуса мирового языка; по количеству говорящих его обгонят арабский язык и французский язык, а еще через 15 лет – португальский язык. После расширения Евросоюза в 2004 г. желающих изучать русский язык в качестве иностранного составляет 6% от всего населения ЕС. Самым же популярным языком ЕС, конечно, остается английский – две трети населения объединенной Европы считают совершенно необходимым изучать его. Много желающих учить немецкий язык, особенно в новых странах ЕС среди химиков и медиков, а вот популярность французского продолжает падать, несмотря на активные меры его популяризации: Франция предлагала ввести французские версии компьютерных терминов, в частности вместо *e-mail* предлагалось писать *courriel*.

К 2025 г. предполагается, что число носителей английского языка в мире уменьшится на 5%, а на русском языке будет говорить примерно столько же людей, сколько в начале XX в. Конечно, основной причиной падения популярности русского языка стал развал Советского Союза и, соответственно, сокращение преподавания русского языка в школах бывших советских республик. Например, по данным Центра демографии и экологии человека Российской академии наук, перед распадом СССР в 14 республиках, кроме РСФСР, говорили на русском около 120 млн человек при численности населения 139 млн. Сейчас свободно порусски изъясняются только 63 млн жителей бывших республик, еще около 40 млн знают язык на базовом уровне. Казахстан и Киргизия хоть и объявили русский язык языком официальных документов, однако большинство населения в ежедневном общении русский язык не использует. Единственная бывшая советская республика, которая сохранила статус русского языка как государственного, – Белоруссия, белорусский язык в основном используется в быту. Проект изменений орфографии и пунктуации белорусского языка был разработан в 1999 г., но до сих пор вопрос уточнения правил языка не решен. Реформа языка вызревала на уровне академических институтов, в ее проведении нет никаких политических мотивов [7]. Сейчас в республике используются правила, принятые в 1957 г., изменение этих правил будет призвано упростить язык, избавить его от полонизмов, сделать его понятней для русскоязычных жителей республики. Некоторые же белорусские оппозиционеры в своих газетах специально используют правила, существовавшие еще до 1933 г. По их мнению, старый белорусский язык звучит мелодичнее.

В странах Восточной Европы в 1989 г. обязательное изучение русского языка в школах отменили. Со времен распада СССР в балтийских странах количество русскоязычных школ (20 тыс. в 1989 г.) уменьшилось больше чем в 2,5 раза. Тем не менее, пятая часть всего насе-

ления Латвии и Эстонии считает русский язык своим родным языком, а литовцы называют его самым важным для изучения иностранным языком, поэтому русский язык нуждается в особой государственной защите.

Язык является важнейшим фактором в процессе образования и подготовки специалистов, по словам В.А. Садовниченко, он неотделим от проблематики формирования нового общественного сознания молодежи как поколения без комплексов неполноценности и предрасудков. От государственных законов в области языка, от речевых умений отдельного гражданина и от упорядоченного состояния языка в целом зависит жизнь отдельного человека и судьба родной страны.

Литература

1. Анохина Т.Я. Роль словарей в формировании языковой компетенции будущих инженеров (на примере русского языка). – М.: Известия МГТУ «МАМИ» № 2 (14), 2012, т. 3. с. 368 – 371.
2. Анохина Т.Я. Из истории знаков препинания. – М.: Известия МГТУ «МАМИ» № 1 (7), 2009.
3. Анохина Т.Я. Дидактическая категория «целеполагания» применительно к преподаванию дисциплины «Русский язык и культура речи» в условиях реформы Российского ВПО». – М.: Известия МГТУ «МАМИ» № 1 (11), 2011.
4. Анохина Т.Я., Анкин А.В. Лингводидактические принципы проведения промежуточной аттестации с учётом требований академической мобильности и ФГОС 3-его поколения. – М.: Известия МГТУ «МАМИ» № 2 (12), 2011.
5. Жиркова О.А. Актуальные проблемы языковой культуры современного общества // Вестник Московского государственного открытого университета. М. Серия «Общественно-политические и гуманитарные науки». – 2010. – № 1.
6. Жиркова О.А. Методика обучения научному тексту в курсе русского языка в неязыковом вузе // Вестник Московского государственного открытого университета. Москва. Серия «Общественно-политические и гуманитарные науки». – 2011. – № 2.
7. Жохова Л.А., Жохова Н.Н. Исследование поведения китайцев в аспекте межкультурной коммуникации // Вестник Московского государственного открытого университета. Москва. – 2011. – № 1(11), с. 59 – 64.
8. Жохова Л.А. Социокультурная политика современной России // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе / Записки горного института. т. 193. – Санкт-Петербургский государственный горный университет. – 2011, с. 274 – 276.
9. Жохова Л.А. Специфика преподавания русского языка в поликультурной аудитории неязыковых факультетов. Вестник университета. Серия «Социология и управление персоналом». – Издательский дом ГОУ ВПО «ГУУ». – 2007, №12 (38), с. 48 – 53. 10.
10. Жохова Л.А. Интернет в жизни российского общества // Электронный ресурс/www.miepvuz.ru/storage/docs/vestnik/sbornik_2012_2.pdf / Вестник МИЭП. Россия и мировое сообщество перед вызовами нестабильности экономических и правовых систем: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 16–18.04.2012). В 6 ч., Ч.2 /Международный институт экономики и права. Под общ. ред. академика РАЕН Ф.Л. Шарова. – М.: МИЭП, 2012, с. 129 – 133.
11. Жохова Л.А. Русские ментальные предикаты // Современные гуманитарные исследования. – М.: «Компания Спутник +». – 2005. – № 4 (5), с. 82 - 83.
12. Жохова Н.Н. Коммуникативные стратегии в современном обществе // Вестник Московского государственного открытого университета. М. Серия «Общественно-политические и гуманитарные науки». – 2011. – № 1, с. 65 – 69.
13. Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. – М.: Изд-во «Рукописные памятники Древней Руси». – 2013. – 388 с. – (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).